

ТЕАТРЪ И ЖИЗНЬ

Theater und Leben.

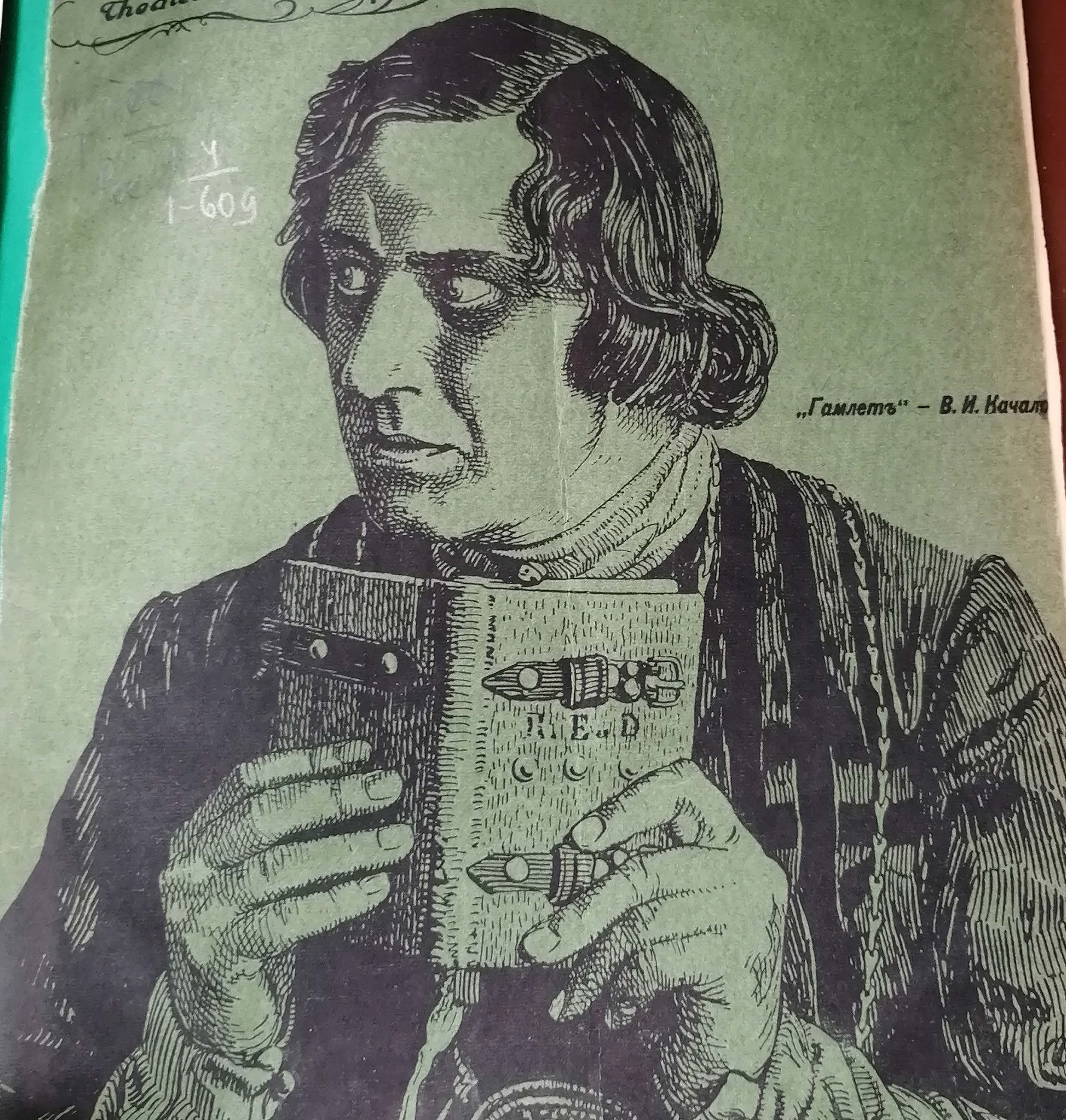
Декабрь 1921
December 1921

Цѣна 10
Preis 10

№ 5 и 6

4
1-609

„Гамлетъ“ — В. И. Качаловъ

Макс Рейнгардт о Москвичахъ.

Статья для „Театра и Жизни“. (Переводъ съ нѣмецкаго).

Быть можетъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній моего прошлаго — былъ Московскій Художественный Театръ, прѣбывавшій къ намъ на гастроли во главѣ со Станиславскимъ. Самъ Станиславскій, — является по моему мнѣнію однимъ изъ величайшихъ актеровъ современности. Никто, послѣ Дузэ, не давалъ мнѣ такой сложной гаммы настроений — какъ этотъ мастеръ выразительнаго слова, этотъ волшебникъ незримыхъ переживаній. Его Астровъ воистину — незабываемъ.

Что касается нынѣшнихъ гастролей, то на первомъ мѣстѣ стоятъ Германова и Книпперъ, двѣ исключительныя по необычайной внутренней силѣ артистки. И рядомъ съ ними — какое созвѣздіе! Качаловъ, Массалитиновъ, Берсенева, Павловъ. Последний показалъ себя актеромъ изумительной силы въ заключительномъ актѣ «Дяди Вани». Напряженіе и боль съ которою онъ пытается отворотить надвигающуюся катастрофу — могли родиться только въ творческихъ тайникахъ большой души...

Но самымъ прекраснымъ достиженіемъ ихъ нынѣшнихъ гастролей является — «ансамбль». Несмотря на отсутствіе вдохновляющаго духа «Станиславскаго», прежняя эманация излучается тою частью театра, которая откололась отъ Москвы. Понятно, порою, въ отдѣльные моменты — чувствуется, что ибѣтъ «главы», и зоркій глазъ специалиста ловить подчасъ негладкіе штрихи — но самое цѣнное, чистота стиля «живая вода» — сохранилась нерасплесканной.

Мнѣ кажется, что москвичи, въ своихъ сценическихъ воплощеніяхъ — особенно въ чеховскихъ драмахъ — дошли до послѣдняго и исчерпывающаго завершенія реализма и даже натурализма.

Говорятъ: время реализма миновало и наступила эра стилизація. И все-же я думаю, что стиль — это подчиненный, — вторичный факторъ искусства. Всегда и повсюду стиль былъ смѣнявшимся явленіемъ моды, а неизмѣннымъ и вѣчнымъ, словно на гранитномъ цоколѣ, во все эпохи театра — оставался самъ Человѣкъ. И еще: — стилизація поставлена предѣлы самою сценою; вѣдь футуристическія декорации въ ихъ послѣдовательномъ выявленіи врядъ-ли будутъ мыслимы на сценѣ; ибо даже если постановка будетъ въ изломахъ, углахъ и лоскуткахъ — расщепленною и разсѣченою, — то, вѣдь Человѣкъ, Актеръ не можетъ быть разбитъ и расчерченъ на куски. Человѣкъ останется цѣльнымъ и единымъ. На фонѣ обрывистыхъ декораций, острыхъ изломовъ недоконченныхъ угловъ, треугольных площадокъ и декоративныхъ намековъ будетъ двигаться живой, прямой, обычный человѣкъ на невывернутыхъ ногахъ, жестикулируя цѣльными, неискромсанными руками...

И у москвичей самымъ главнымъ нутромъ и сердцевиною остается все-же человѣкъ и дѣйствія его души. Именно у русскихъ мнѣ чувствуется порою какое-то почти религіозное служеніе, смиреніе и полнота, напряженность души въ тотъ моментъ, когда творимые ими типы выводятся на подмостки, словно къ алтарю. Эта почти религіозная углубленность присуща именно русскому актеру, и всему русскому искусству. Чѣмъ далѣе на западъ отъ русской равнины, тѣмъ труднѣе въ пародномъ творчествѣ уловить эту религіозную напряженность, тѣмъ она слабѣе.

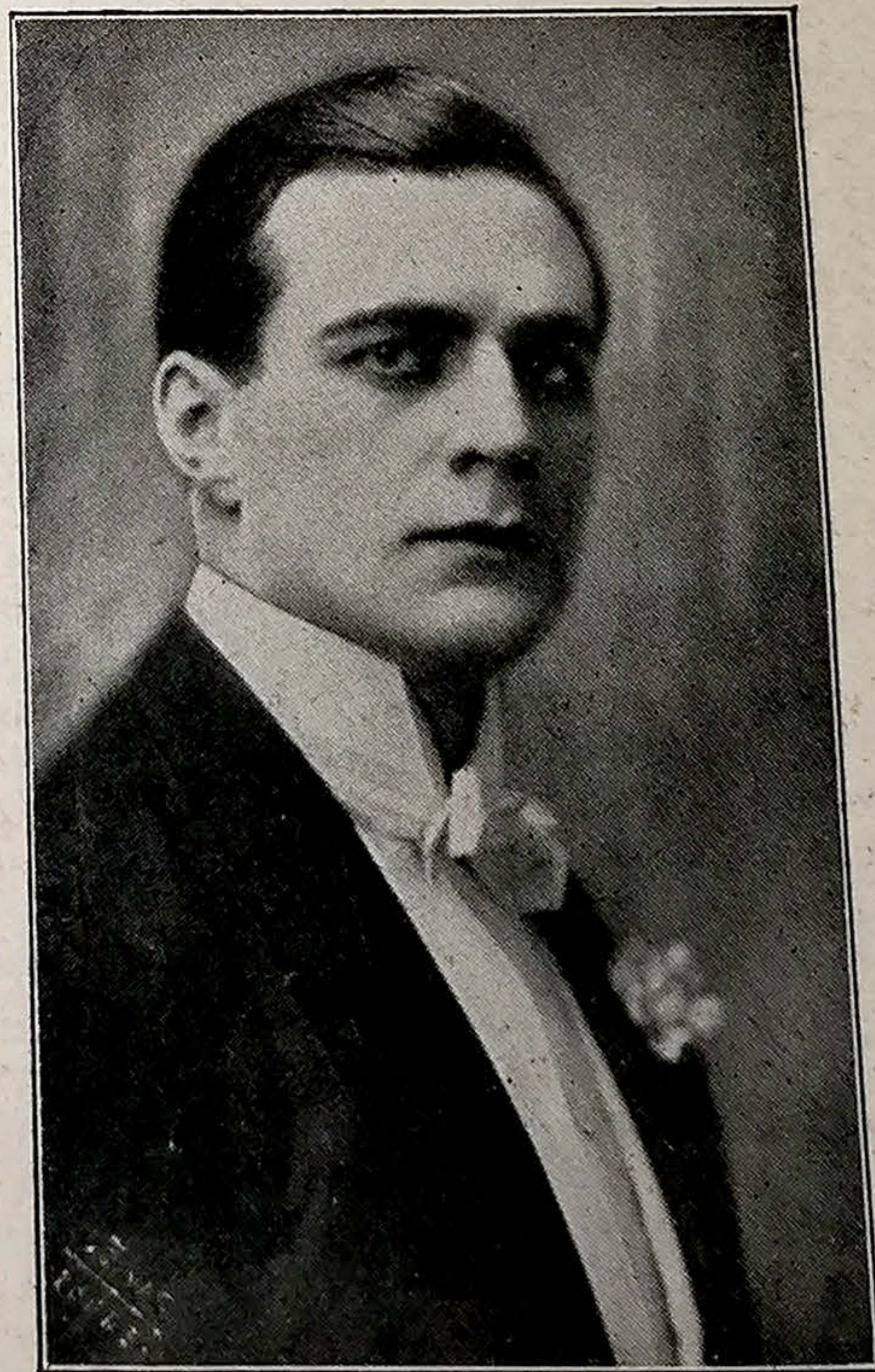
Я думаю, что цѣльность театральнаго дѣйствія въ широкомъ соборномъ смыслѣ этого слова постижима только тогда, когда одаренный актеръ встрѣчаетъ одареннаго, живущаго съ нимъ одной внутренней жизнью, одной внутренней дрожью — зрителя. Именно таковъ, по моему, — русскій зритель. Для него театръ тоже не зрѣлище, а служеніе.

Я вынесъ это впечатлѣніе изъ своей поѣздки по Россіи. Я наблюдалъ публику зрительнаго зала, я прислушивался къ ея пульсу, къ шелесту, отклику и понималъ, что творить не только актеръ. Съ нимъ вмѣстѣ въ творческомъ волнующемъ напряженіи слитъ и зритель. Я помню страстные дебаты въ фойе послѣ отдѣльныхъ актовъ. Я помню собранія и дискуссіи, рефераты и лекціи по поводу пьесъ. Эта русская черта, умѣнье безоглядно, безотчетно цѣликомъ отдать себя переживаніямъ, создаетъ изъ зрительнаго зала колоссальную раковину съ гулкимъ стократнымъ резонансомъ и повышаетъ тонъ на сценѣ до созвучнаго, стройнаго хора. Актеръ заражается зрителемъ. И если онъ чувствуетъ слезы, и напряженную пульсацию зрительнаго зала, это отвѣчаетъ ему, онъ дрожитъ, какъ обитая мембрана.

Онъ тоже плачетъ настоящими слезами, какъ плачутъ въ залѣ, смятенные, поныкшіе, слитые со сценою въ таинственномъ молитвенномъ касаніи душъ.

Таковъ русскій актеръ. Такова русская зрительная зала.

Макс Рейнгардтъ.

И. Н. Берсенева